№ 16 (1414) ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ 34-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к. МОСКВА 10 ИЮНЯ 1955

КРОКОДИЛ

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

ПЛАСТЫ ЗАЛЕГАНИЯ ОБЛАСТНЫХ НЕДР

Когда будущие студенты впервые переступили порог Киевского инженерно-строительного института, где на одно место было десять претендентов, их предупреждали:

— Наш вуз готовит специалистов для всей страны. Возможно, вам придётся после института поехать в другой город, в совхоз, где не будет родных и близких. Взвесьте ещё раз!..

— Мы готовы на всё! — клятвенно заверяли они.

И вот позади несколько лет учения. Вчерашние студенты стали инженерами и архитекторами. Впереди — живая, увлекательная работа в городах, на колхозных и совхозных стройках, куда они согласились выехать. По традиции, на прощание сфотографировались, обменялись новыми адресами и договорились снова встретиться в Киеве через три года.

Но восемь выпускников встретились на шумном киевском бульваре гораздо раньше — на их дипломах ещё не успели высохнуть чернила.

— Кого я вижу? Ниночка Зайцева! Ведь ты же в Магнитогорске!

— Юра Штомпель? Но и ты давно должен быть в Магнитогорске.

— Я и не уезжал. Уважительная причина: заболел дядя. А ты?

— Тоже уважительная причина: оформляла развод с мужем...

— Значит, как только получишь развод, уедешь?

— Как я могу уехать, не устроив личной жизни?

Прогуливаясь так по бульвару, друзья вдруг столкнулись лицом к лицу со своими сокурсниками, молодыми архитекторами Марком Драйцуном и Инессой Шелухиной, которых никак не ожидали встретить в Киеве.

— Селям! — приветствовал Драйцуна Штомпель. — Как ты загорел под знойным таджикским солнцем!

— Таджикистан тут ни при чём. Я загорал без отрыва от Днепра.

— Выходит, и ты не уезжал? — сделала большие глаза Нина Зайцева.

— Выходит, и я! — признался Марк Драйцун. — Выяснилось, что в Таджикистане — представьте себе — нет ни днепровских пляжей, ни киевских каштанов.

— А что у тебя выяснилось в Ленинграде, Инесса? — спросил Штомпель.

— В принципе я не против Ленинграда, — затараторила Шелухина, — но ещё Пушкин сказал, что «вреден север для меня». Тогда в министерстве мне изменили путёвку, направили в Жданов. А тут...

— Можешь не продолжать, — перебил всеведущий Драйцун. — Всё ясно: на помощь пришёл твой папаша. В министерстве не устояли, и доченьку устроили в Киеве.

Инесса от смущения покраснела. Приятели расположились на широкой бульварной скамье под раскидистым каштаном. Мимо важно прошла девушка с огромным портфелем в руках. Углубившись в свои мысли, она не смотрела по сторонам.

— Жанна! — окликнули друзья. — Возгордилась? Не узнаёшь?

— С чего это вы взяли, девочки? — стала оправдываться Жанна Киртбая.

— Ну как же! В Станислав не поехала. Работаешь в Министерстве коммунального хозяйства.

— А что же тут особенного?

— Скромничаешь! Никого не оставляют в центральном аппарате министерства, а тебя оставили.

Жанна многозначительно промолчала и, желая переменить тему разговора, указала на появившуюся в конце аллеи парочку:

— Девочки, неужели это Анна и Юрий Битные?

В самом деле, вскоре к ним подошли молодые супруги Битные. После института они собрались в Мурманск, получили даже деньги на дорогу, но... дальше Киева не поехали. Заметив своих товарищей, Юрий Битный, всегда весёлый, лихой институтский танцор, страдальчески скривил лицо. Оказывается, как раз перед самым отъездом в Мурманск Юрий Битный обнаружил, что серьёзно болен.

— Но ты никогда ничем не болел! И не жаловался...

— Я тоже думал, что здоров, но пошёл к врачу, рассказал, что собираюсь в Мурманск, и он нашёл у меня намёки на симптомы какой-то болезни. И даже справку выдал: «Может выполнять работу в любой местности, но не связанную с пребыванием на высоте». И мы с Аней остались в Киеве.

— Никогда не слыхал, что в Мурманске проектные конторы расположены в высотных зданиях, — съязвил Юрий Штомпель.

— А ты не придирайся! — урезонила товарища Инесса Шелухина.

Разгорелся жаркий спор, и никто не заметил, как подошёл вихрастый юноша и церемонно поклонился:

— Почтенному собранию привет!

— Саша Брянцев?! Какими судьбами? Мы недавно провожали тебя на Алтай, на целину!

— Провожали. Факт! И я снова с вами. Тоже факт! Приезжаю, понимаете, в Алейск. Засучил рукава, вот, думаю, покажу класс. Но Алейск — не Киев. Я каждый день опаздывал на работу.

— Некому было тебя будить? — поддел Брянцева Штомпель.

— Мамаши не было рядом? — поддержал Штомпеля Драйцун.

— Ко мне стали придираться, — продолжал Брянцев. — Один сознательный товарищ даже мораль мне прочитал: на вас, мол, государство затратило чуть ли не пятьдесят тысяч рублей, а вы наплевательски относитесь к работе. Я, понятно, плюнул и вернулся домой, к предкам, с их шикарной квартирой, собственной машиной...

— Но тебе в Киеве трудно будет устроиться, — посочувствовала Жанна Киртбая.

— Мне? Вы не знаете фирмы «Брянцев и сын»! У отца такие связи! Короче, я уже служу. Могу сказать по секрету: в то время как управляющий трестом «Киевжилстрой» Кушниренко уговаривал пожилых и больных ехать на целину, управляющий СМУ того же треста Медведь принял на работу меня, Александра Брянцева, уехавшего с целины.

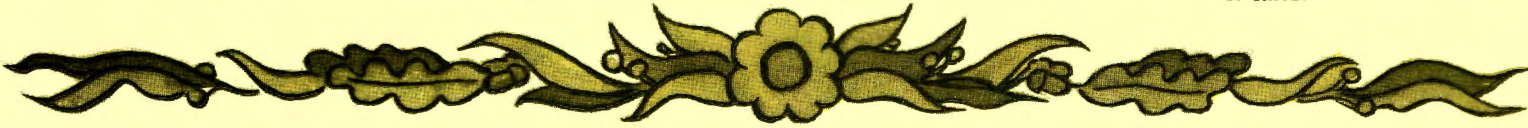
До позднего вечера затянулась встреча восьми выпускников Киевского инженерно-строительного института. О чём только они не говорили! Перемыли косточки бывшим товарищам по институту, которые «прозябают» где-то в глухом захолустье. Позлословили и по адресу преподавателей, которые на выпускном вечере призывали их держать высоко знамя института, где бы они ни работали...

— А помните, — ещё больше оживился Брянцев, — наш первый разговор в приёмной комиссии несколько лет назад? Что нам тогда говорили? «Учтите, вас могут назначить в другой город! Взвесьте все трудности!» Мы и учли, мы и взвесили...

И все с благодарностью вспомнили своих чадолюбивых родителей, высокопоставленных друзей из министерств и ведомств, всех тех, кто помог им остаться и попрежнему процветать в родительских теплицах.

Е. ВЕСЕНИН

г. Киев.

ЕЩЕ КЛАНЯЕМСЯ...

Директору Александровской МТС Владимирской области товарищу ДОЦАУЭРУ В. Р.

Дорогой Владимир Робертович!

Разрешите вас обнять, прижать к крокодильской груди и шепнуть на ухо только одно слово: мужайтесь!

Да, мужайтесь, Владимир Робертович! Держите себя в руках, не падайте духом, не раскисайте, не размазывайтесь киселём по тарелке. Не придавайте, ради бога, значения кривотолкам, слухам и попрёкам. В самом деле, что произошло? Ну, ваша МТС сильно затянула сев, поставила под удар урожай нескольких колхозов. Только и всего. Стоит ли по такому поводу поднимать шум? Ведь в затяжке сева виноваты не вы, а тракторы. Они непрерывно ломались, останавливались в борозде,— словом, вели себя так, словно зимой их не ремонтировали.

А ведь ремонтировали. Я сам это видел и могу клятвенно подтвердить. Правда, насколько мне помнится, не всё шло тогда гладко. Бывали ремонтные огрехи. Выпустят из мастерской трактор, а у него 10—15 дефектов. Оно и понятно: за всем не уследишь. У машины частей много, а вы один. Однажды у отремонтированного трактора нашли 23 дефекта. Этим самым ваша МТС установила своеобразный всесоюзный рекорд, который, мы надеемся, не так скоро будет перекрыт.

Что говорить, Владимир Робертович, весна — беспокойное время года. То ли дело зима!.. Грачи давно улетели, поля и дороги замело снегом, на эмтеэсовской усадьбе тишина, покой, благодать. Сидите вы в жарко натопленной комнате и принимаете со стороны заказы на извоз. Милое это дело — извозный промысел! Вот приходит к вам работник милиции Егоров и говорит:

— Как там насчёт трактора?

— А вам зачем?

— Дом перевезти.

— Что вы, дорогой! Мы колхозам не возим лес и удобрения, а тут постороннему лицу...

— Так я же не бесплатно. Я за деньги, наличными плачу!

— Тогда другой разговор. За деньги мы не то что ваш домишко — высотное здание перевезём!

По всей округе работали ваши машины. Кому дом, кому в город на тракторе дровишки подкинете. Извозный промысел пришёлся по душе и некоторым трактористам. Стали они «налево» подрабатывать. Едет по шляху этакий мощный дизель, его останавливают:

— Эй, дядя, свободен?

— Свободен.

— Не подкинешь ли в село мою рухлядь? Я заплачу.

— С нашим удовольствием. Подкинем в один момент. Лошадка-то железная, казённая!

И подкидывали. И неплохо зарабатывали. Так что весенний сев для таких трактористов не был большой радостью. Да и вам он принёс одни огорчения. Весь май вы с непонятным упорством не покидали последних мест в посевной сводке. А теперь вслед за севом наступают летние неприятности: уход за посевами и прочая канитель. А там, глядишь, и уборка. Потребуют, скажем, колхозы помочь им убрать кукурузу, а у вас в плане такие работы не были предусмотрены. Вы эту культуру убирать и не собирались.

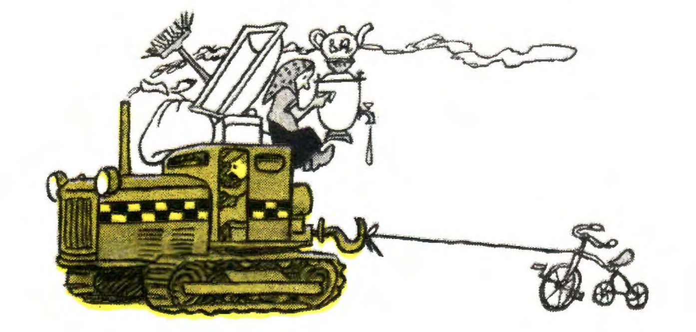
Нет, что ни говорите, Владимир Робертович, и осень не сулит вам спокойной жизни.

Но вы мужайтесь! Пройдёт лето, осень, наступит милая вашему сердцу зима. И, быть может, вы снова возьмётесь за извозный промысел.

— Тпрру, родимые (тракторишки)!.. Грузите, гражданин, свои дрова! Нн-но-о! Поехали!

Засим низко кланяюсь, в ожидании лучших для МТС времён

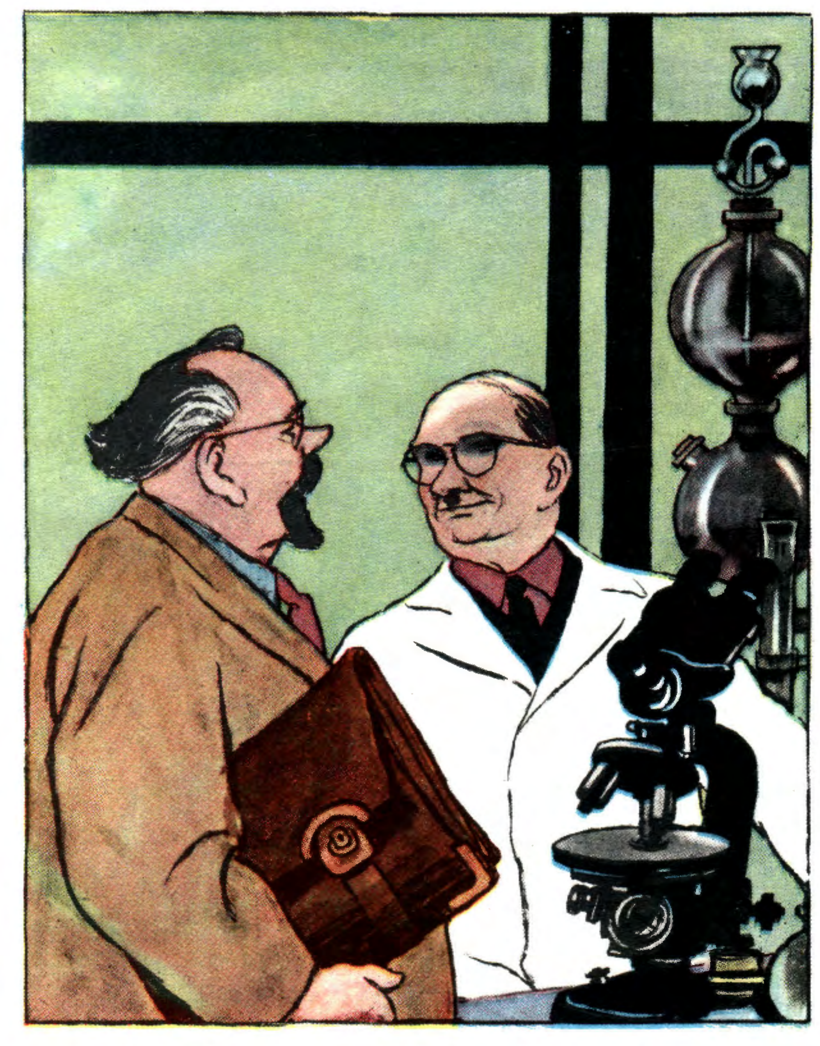
Крокодил

МНОГООПЫТНЫЙ УЧЁНЫЙ

Наряду с честными творческими работниками в научно-исследовательских учреждениях подвизается немало людей, помышляющих только о личном благополучии.

Рисунок Бориса ЛЕО.

— Как ваши опыты? Что-нибудь получили?
— А как же! Учёную степень, персональную машину...

Л. ГАЛКИН

Ударение на Я

Наш конструктор — не тупица.
В кабинете им одним
Что-то важное творится,
И к нему не подступиться,
Ибо он незаменим!

На табличке золочёной
Блеск от степени учёной
И фамилии, конечно.
Только в ней не дай вам бог
Ударение беспечно
Не на тот поставить слог!

Он вас спросит:
— Что такое!
Как назвали вы меня!
Да ведь Ярко, не Ярко́ я,
С ударением на «я»!

На окне глухие шторы
Поглощают каждый звук.
Книжный шкаф ласкает взоры
Кандидата тех. наук.

Здесь творит он, созидает,
Но скажу, не утая,
Что во всём ему мешает
Ударение на «я».

Он сидит над важной темой,
Над серьёзною проблемой,
Разрешения которой
Крупный требует завод.
Это сделать нужно скоро —
Он сидит десятый год!

Коллектив включить бы надо,
Ведь нельзя терять ни дня!
Не даёт создать бригаду
Ударение на «я»!

— По какому это праву!
Я работал много лет!..
Захватить чужую славу!..
Подорвать авторитет!..

Уступают кандидату,
И уже десятый год
Всё сидит он...
А зарплата,
Как положено, идёт!

Не спешит он, как обычно,
Для веков себя храня,
Кандидат-единоличник
С ударением на «я».

г. Харьков.

Иван ГОРЕЛОВ

ЮЖНЫЙ ПЕРСИК

Институт «Южный персик» ютился на самой северной окраине Москвы в помещении большого недостроенного дома. Институт был молодой, и хозяйство у него было не громоздкое. На серых подоконниках под прозрачными колпаками стояли чахлые карликовые деревца. Во дворе, рядом с водопроводной колонкой, рыжела куча сухих персиковых саженцев, а поодаль тускло отсвечивала стёклами единственная теплица, сооружённая без проекта, на собственный риск и страх плотником Кириллом Захаровичем.

Добираться сюда было трудно. От конечной трамвайной остановки идти приходилось километра полтора, и по утрам в непогоду сотрудники один за другим лениво тянулись по щербатому асфальту, напоминая усталых туристов.

Специалисты, облечённые званиями, приезжали в институт к концу дня, а некоторые совместители и вовсе отсутствовали по неделям, двигая науку вперёд в других аналогичных учреждениях.

Я посетил этот островок научно-исследовательской мысли по поручению редакции. Нужно было посоветоваться насчёт одного садовода-новатора. В этот день я застал на работе почти всех сотрудников института. Они самоотверженно сидели на своих местах, и даже совместители никуда не отлучались до шести часов вечера. Необычайное происшествие это, как я вскоре выяснил, объяснялось просто: сотрудники прослышали о предстоящем упорядочении штатного расписания.

В кабинете директора заседала комиссия: завхоз Кожемякин — он же парторг, учёный секретарь института Фомин — он же профорг — и сам директор — Виктор Филиппович Ватолин, располневший рыжеволосый мужчина с торчащими бобриком усиками.

На столе перед Ватолиным лежали свеженапечатанные списки: ошую — технического персонала и одесную — научных сотрудников.

— Воронова Лариса Михайловна,— вяло читал Виктор Филиппович, нацеливаясь на заглавную букву кончиком позолоченного карандаша.

— Отлично за гербариями наблюдает, работяга девка! — авторитетно прошептал Фомин.

— Оставим условно... Далёкий Роальд Архипович, лаборант.

— Раля Далёкий — безукоризненный работник,— поспешил заступиться Кожемякин, памятуя о том, что лаборант Далёкий доводится ему близким родственником.

— Зайкина Тамара.

— Лучшая наша стенографистка... К тому же, между прочим, Борис Петрович звонил. Из министерства.

— Я помню, помню. Нет возражений?.. Оставляем. Званцева Вера.

— Переведём...

После томительного двухчасового заседания списки сотрудников института были сплошь испещрены условными иероглифами, которые по нескольку раз перечёркивались и восстанавливались заново. В конечном счёте чистые минусы остались против четырёх фамилий. Жребий пал на уборщицу Иванову, на курьера Званцеву, на бойкую и прямодушную машинистку Ковригину да на седовласого плотника Кирилла Захаровича.

К вечеру фамилии эти передавались из уст в уста со всевозможными сочувственными комментариями. Переводимых на производство окружили самым дружеским вниманием, граничившим с назойливостью. Верочку Званцеву, миловидную девушку с пышными русыми волосами, спадавшими на плечи крупными кольцами, любили все и поэтому ей буквально не давали проходу:

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

— Не расстраивайтесь, Верунчик. Мы вас хорошо устроим. Хотите, даже на курсы кройки и шитья определим? По крайней мере, специальность приобретёте. Не убивайтесь понапрасну, голубушка... Надо же кому-нибудь на производство уходить...

Уборщица Анастасия Акимовна Иванова обосновывала своё огорчение чисто прозаически:

— Корм для козы покупать теперь за деньги придётся... Я ведь её, кормилицу, сохлыми саженцами ублажала. Привезут вагон, посохнут... Ну, товарищ Кожемякин, дай им бог здоровья хорошего, спишут в расход. А моей «Царице» этих самых персиков на всю зимушку хватало...

Ей пообещали и впредь давать для козы саженцы, и она успокоилась.

Аллочка Ковригина, к удивлению многих, большого сожаления не выразила, а когда стали её донимать грустными причитаниями, она дерзко ответила:

— А я нисколько и не горюю насчёт перевода. Подумаешь, учреждение! Богадельня какая-то, а не научный институт. Только и печатаешь списки на зарплату да заявления об отпусках. На целину уеду, вот куда!..

Спокойный и заботливый Кирилл Захарович обошёл на прощание всё своё хозяйство. Заменил прогнившую полку, раму в теплице починил, крючки подтянул. Может, он и горевал в душе, но виду не показывал и отвечал просто:

— Наше дело солдатское: где бы ни работать, лишь бы пользу приносить. Уеду на Алтай, жильё буду для трактористов мастерить. Завсегда на кусок хлеба заработаю... Да и на рюмашку, бог даст, останется...

...Прошло две недели. Наступил день расчёта... И вот на квартиру к Верочке Званцевой спозаранку прибежала Тамара Зайкина — незаменимая стенографистка, о судьбе которой так заботливо пеклись в министерстве.

— Верочка, дорогуша! Вы ещё не взяли расчёта?! На курсы уже оформились... Ну что это за профессия: кроить, пороть... Ни грамма поэзии! Оставайтесь, пожалуйста, в институте... Через год в лабораторию переведут. За меня оставайтесь... Хорошо?

— Как это оставайтесь? Ведь Ватолин приказ уже подписал,— недоумевала Верочка.

— Я добровольно уступаю вам своё место... Голубушка, оставайтесь!..

Анастасия Акимовна, пришедшая за саженцами, нежданно-негаданно попала в окружение: её обступили три лаборантки и, умоляюще заглядывая в удивлённые чистые глаза, наперебой упрашивали:

— Родненькая, сделайте доброе дело: останьтесь в институте за кого-либо из нас... У вас ведь семья, коза... Ну что вам стоит?..

Кирилл Захарович явился за расчётом в новом пальто, гладко выбритый, посвежевший. Едва он переступил порог, как к нему со всех ног кинулся долговязый, как жердь, Роальд Архипович. Кирилл Захарович посторонился было, но лаборант цепко схватил его за рукав и потянул в курилку.

— Кирилл Захарович... Папаша... Хотите на пол-литровочку от меня получить?.. За вашу штатную единицу...

— Спасибо, дорогой. Свои имеются. Подъёмные получил.

— Из спасиба, Кирилл Захарович, шубы не сошьёшь... А вот останетесь за меня, — на литр не пожалею...

— Не согласен! Ни за какие коврижки! — басил Кирилл Захарович, потрясая перед растерявшимся верзилой зелёной железнодорожной плацкартой. — Я к Виктору Филипповичу попрощаться зашёл... Вещи уже на вокзале. И старуха тоже...

Я, оказавшись снова в институте, признаться, был удивлён такой непонятной ситуацией и зашёл в кабинет директора.

Ватолин сидел в одиночестве и, подперев руками голову, обозревал разостланную на столе географическую карту.

Увидев меня, Виктор Филиппович вздрогнул и принялся скатывать в рулон большую карту.

— Мы, так сказать,— вместо приветствия сказал он,— адресок собираемся менять... По приказу министра... В Среднюю Азию перебазируемся. К садам поближе... Без теплицы экспериментировать будем.

На столе задребезжал телефон.

Безвольной, вялой рукой поднял директор трубку, которая тянула вниз и, казалось, была вылита из свинца. Из трубки послышался певучий властный баритон.

— Здравствуйте... Здравствуйте! На здоровье пока не жалуюсь... Да, слушаю. Тамару Зайкину? Ну как же, оставили!.. Лучшая стенографистка! Наш золотой фонд... Прочно оставили... Что-что? Наоборот? Да, да, да. Слушаюсь! Можно. Будет исполнено! Сегодня же. Можете не беспокоиться... Желаю всех благ...

Он тут же нажал кнопку электрического звонка и строго приказал секретарю:

— Передайте в кадры, чтобы сегодня же оформили увольнение Тамары Максимовны Зайкиной... По состоянию здоровья... Скажите, что Борис Петрович звонил... Понятно?!

Он посмотрел на меня полными тоски глазами и сказал со вздохом:

— Сворачиваемся.

И снова разложил на столе большую карту...

В НОМЕНКЛАТУРНОМ ПЛЕНУ

...Собрание уполномоченных пайщиков потребкооперации Медвенского района подходило к концу, как вдруг совсем неожиданно слова попросил второй секретарь райкома партии Андрей Фёдорович Карачевцев.

— А теперь,— бодро сказал он,— давайте подумаем о новом председателе правления райпотребсоюза. Старого придётся снимать.

— Почему? — заволновались уполномоченные.— Человек работал добросовестно, не имел никаких замечаний — и вдруг снимать...

— Я предлагаю занести в список для тайного голосования новую кандидатуру — Назарова.

— Это какого Назарова?

— Того, что был когда-то заместителем райуполминзага,— отвечал секретарь райкома.

— Был, да провалился, и вы же сами сняли его с работы.

— Не сняли, а перебросили на дороги и мосты,— сказал Карачевцев.

— А потом этот Назаров и на дорогах провалился. И у нас провалится!

— Что за недоверие! — обиделся Андрей Фёдорович.— Назаров — испытанный руководящий работник. Заготовки, мосты и дороги были попросту не его стихией. Призвание Назарова — кооперативная торговля.

И, хотя собрание было против Назарова, секретарь райкома не пожалел сил для того, чтобы включить его фамилию в список на голосование. Одновременно Карачевцев настоял на том, чтобы фамилия прежнего председателя Харланова вовсе не ставилась на голосование.

Список перепечатали, роздали уполномоченным, и Карачевцев облегчённо вздохнул:

— Ну, теперь всё. Быть Назарову председателем.

Но вот закончилось тайное голосование. Когда председатель счётной комиссии объявил результаты выборов, Карачевцев от неожиданности даже подпрыгнул в кресле. И было от чего. Подавляющее большинство голосовавших вычеркнуло из списка кандидатуру Назарова и внесло туда фамилию прежнего председателя — Харланова.

Собрание пыталось поправить Андрея Фёдоровича, а он, вместо того, чтобы прислушаться к голосу уполномоченных, ударился в амбицию. Андрей Фёдорович демонстративно подозвал к себе провалившегося Назарова и громогласно сказал ему:

— Не падай духом. Раз я сказал, значит, быть тебе председателем правления райпотребсоюза.

Именно в этих целях Карачевцев вызвал к себе в кабинет Харланова, дал ему перо, бумагу и сказал:

— Сядь и напиши заявление. Так, мол, и так, хочу в отставку.

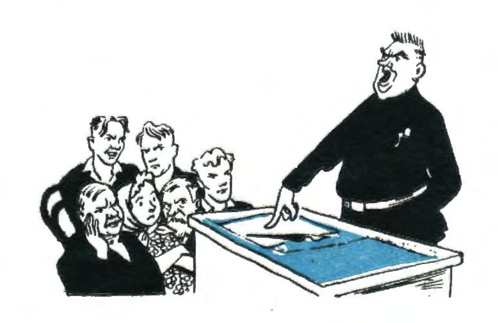
— Да мне же никто не поверит.

— А ты пиши со слезой, чтоб поверили. Не люблю-де я вашу потребкооперацию.

И, так как второй секретарь продолжал настаивать на отставке, Харланов взял и как человек дисциплинированный написал то, что от него требовали. Получив заявление, Карачевцев тут же предложил разослать по сёлам такую телефонограмму:

«Срочно созывается... внеочередное собрание уполномоченных пайщиков Медвенского райпотребсоюза, которое состоится в районном Доме культуры с повесткой дня о председателе».

...Андрей Фёдорович снова на трибуне.

— Я должен сообщить вам, дорогие товарищи, пренеприятное известие,— сказал Карачевцев, обращаясь к уполномоченным.— На сегодняшний день наша районная кооперация осталась без председателя.

— А что случилось с Харлановым? — послышались недоуменные голоса.

— Харланов попросился в отставку.

— Добился всё-таки своего, Андрей Фёдорович. Нехорошо. Не по-партийному.

— Да при чём здесь я? — вспыхнул Карачевцев.— Он сам, по доброй воле, пришёл в райком и начал просить, чтобы его освободили от занимаемого поста. Мы пытались удержать Харланова от этого шага, просили потрудиться на торговой ниве — куда там! Говорит, что сердце начало сдавать.

— Свежо предание, да верится с трудом.

— Чтобы покончить с безвластием в кооперации,— не обращая внимания на реплики из зала, продолжал Андрей Фёдорович,— мы рекомендуем на пост председателя правления райпотребсоюза Назарова...

— Опять его?! — словно растревоженный улей, загудел зал.— Не надо Назарова.

Кто-то уточнил:

— Работал Назаров когда-то и в райкоме, был он и председателем колхоза — и всюду проваливался. Райкому надо взять да устроить Назарова рядовым работником, хотя бы в той же кооперации, пусть покажет себя, завоюет авторитет.

А Карачевцев ни в какую:

— Назаров значится уж много лет в районной номенклатуре. Ему неловко быть рядовым работником.

И вот для того, чтобы сделать Назарова хоть каким-нибудь председателем, Карачевцев и придумал всю эту некрасивую историю с выборами в райпотребсоюзе.

Грубо нарушив принципы демократии, Андрей Фёдорович с помощью представителя Курского облпотребсоюза Бочарова и заместителя председателя райисполкома Звягина протащил Назарова на пост председателя правления. Пробыл Назаров на новом посту, как говорят в народе, без году неделю и снова с треском провалился. И снова в районных организациях встал вопрос: что делать с Назаровым? Снять его?

— Ни в коем случае,— сказал Карачевцев,— номенклатурных работников не снимают: их отзывают и перебрасывают.

Примечание Крокодила. И действительно перебросили. Сейчас Назаров разваливает... то бишь возглавляет, заготконтору в том же райпотребсоюзе.

А. АНДРЕЕВ

г. Курск.

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

Руководители и инженерно-технические работники шахт редко бывают в забоях.

И ТАК КАЖДЫЙ ДЕНЬ...

— Наш инженер как сквозь землю провалился, а в шахте его нет.

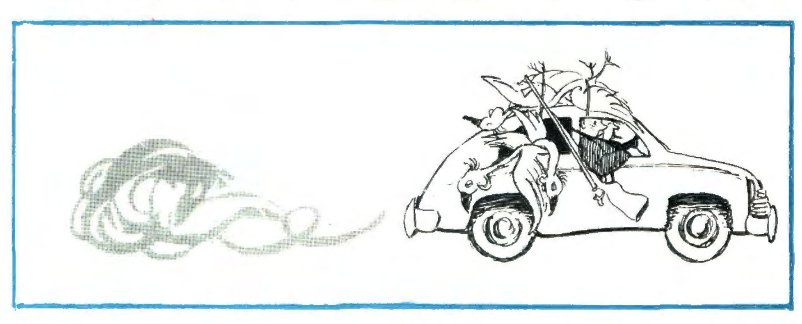
Рисунок Е. ГОРОХОВА.

ЭКЗАМЕНАЦИОННАЯ СТРАДА

— Право, не знаю, какое платье надеть... В голубом я уже получила двойку...
— Попробуй, надень розовое.

«ВЕТРОСТОЙ»

Охота была на редкость удачной. «Победа» ломилась от подстреленных дудаков и куропаток. Товарищ Дауленов, улыбаясь, поглядывал на своего шофёра.

— Знатно мы поохотились!.. Ф-фу, запарился даже! Попить бы,— заметил водитель.

— Ну, это в нашей власти,— засмеялся Дауленов.— Как-никак я министр водного хозяйства республики. Вода — моя стихия. Видишь вышку, к которой мы приближаемся? Это ветродвигатель «ДДК-4». Предназначен он главным образом для водоснабжения животноводческих ферм. Качает из земли воду. Вместо кустарных, допотопных колодцев с «журавлями» мы теперь заставляем работать на себя силы природы, в частности, ветер. Этим ветродвигателем... Позволь, позволь...

«Победа» выехала на скотопрогонную трассу и остановилась. Озадаченный министр увидел чабана, который, стоя у допотопного колодца, поднимал «журавлём» воду и поил окружавших его овец.

— Вот, полюбуйся! — саркастически сказал министр, вылезая из машины.— Отсталость наша! Техника простаивает, а вы по-дедовски работаете... Почему ветродвигателем не пользуетесь? — строго спросил он у стоящего здесь председателя колхоза.

— Рады бы бесбармак покушать, да барана нет. Испортился ветродвигатель!

— Значит, надо ремонтировать,— сказал тов. Дауленов.

— И я говорю, надо,— согласился председатель.— За последние два года этот «ветростой» ни одного ведра воды не поднял. Да и другие ветряки тоже.

Министр нахмурился.

— Безобразие! И никто не догадался обратиться в алма-атинский Облводстрой, к товарищу Головатову!

— Обращались. А он рассердился. «Что вы,— говорит,— попусту ходите, отрываете руководителей учреждения от работы? Сколько раз вам долбить: Облводстрой ремонтом не занимается. Наше дело — смонтировать ветродвигатель и пустить его в ход. А там хоть потоп!» А от него,— председатель кивнул на двигатель,— какой же потоп? Капли воды не добьёшься!

— Гм! — пробурчал министр.— В таком случае надо было обратиться в Областное управление сельского хозяйства.

— Обращались. А заместитель начальника управления по животноводству товарищ Дильмухамедов только посмеялся. «С какой стати,— говорит,— мы будем ремонтировать ветродвигатели, если они находятся на балансе Облводхоза?!»

Тов. Дауленов кивнул головой:

— Он прав. Надо вам обратиться в Облводхоз, к главному инженеру товарищу Шатину. Это — их дело.

— Обращались.

— Ну, а он что?

— Очень возмущался. «Десятки ветродвигателей,— говорит,— бездействуют. Техника оставлена беспризорной. А чабаны надрываются, «журавлями» поднимают воду. Из-за этого часто недопаивают овец. А раз недопаивают, овца меньше ест, теряет в весе, даёт шерсть худшего качества. Какой ущерб,— говорит,— колхозам и государству!»

— Значит, Шатин согласен ремонтировать ветродвигатели? — обрадовался министр.

— И мы о том же его спросили,— сказал председатель.

— А он?

— Он удивился. «Да вы что,— говорит,— смеётесь, что ли? Мне,— говорит,— штаты не позволяют». С этим мы и ушли. Больше пока никуда не ходили.

Чабан кончил поить овец, закрепил «журавль» и собрался в путь.

— И что вы дальше думаете делать? — осведомился Дауленов у председателя.

— Думаем обратиться к министру водного хозяйства товарищу Дауленову,— сказал тот.— Особой надежды у нас нет, но попробовать всё-таки надо. А вдруг он поможет...

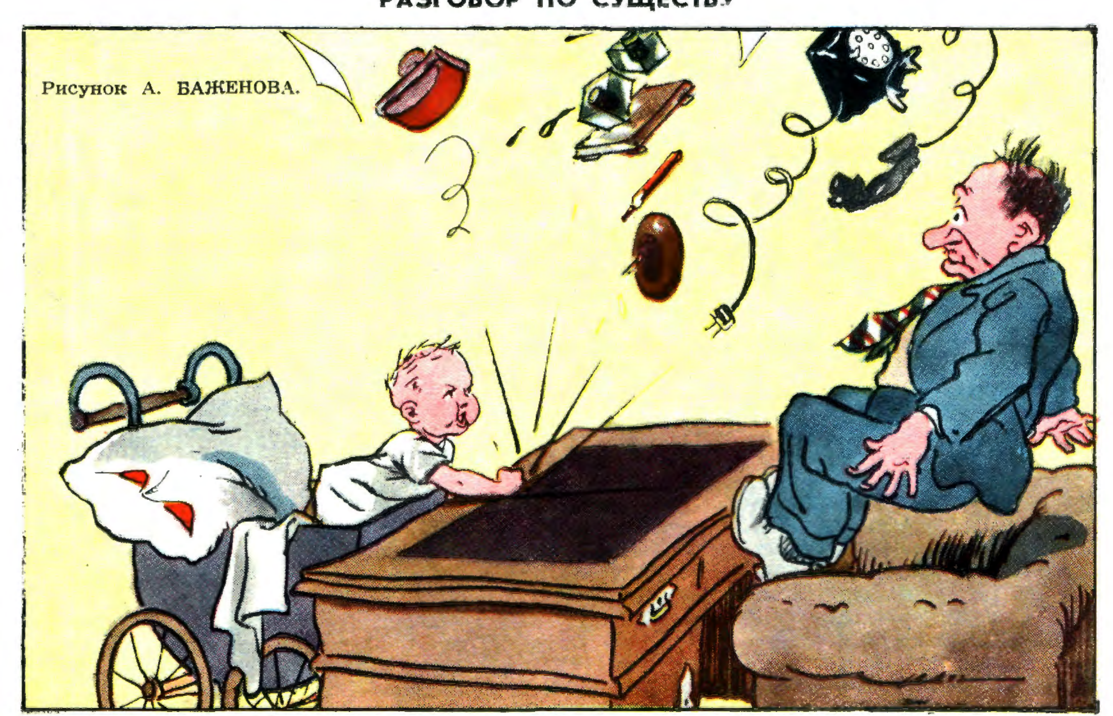
В самом деле, а вдруг?..

А. ОМЕЛИН

г. Алма-Ата.

РАЗГОВОР ПО СУЩЕСТВУ

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

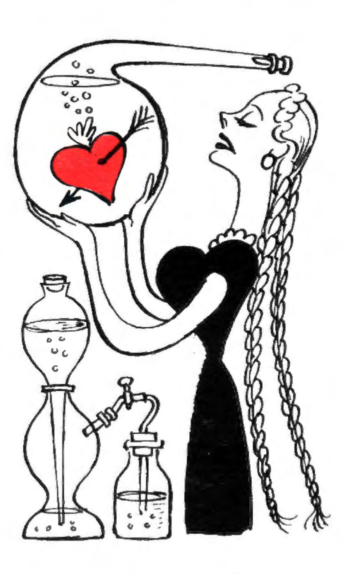

— Где ясли?!

Любовь и КОЛБЫ

литературная пародия

> «Какое блаженство она могла бы дать любимому — как властительница, подчиняющая себе и творящая страсть — как любовница, а не только как ласковая подруга, какою она знала себя до сих пор».
>
> «Однажды он поманил её рукой, а когда она подошла, нагнул к себе её голову и шёпотом спросил:
>
> — Скажите, когда я обнимал вас, вы чувствовали меня как мужчину?»
>
> **(Из романа К. ЛЬВОВОЙ «Елена»).**

Глава первая. «В лаборатории»

В морозном воздухе печально и тонко пахло мимозами. Прохожий с лицом цвета кофе судорожно задрожал при виде Елены. Её лёгкую фигуру красивыми складками облегала модная и недешёвая шуба из цигейки. Справившись с внезапно подступившим волнением, прохожий с кофейным лицом побрёл дальше, буднично размахивая букетом. Всё теперь казалось ему будничным: и мимозы, и портфель, и жена, и дети.

В лаборатории светились бунзеновские горелки. Шумели моторы, насосы и студенты. Подкрашивала губы изящная, мальчишески стройная, но очень неприятная лаборантка, подливая одновременно щелочной раствор в колбочку со смолой.

Елена прикоснулась к элегантному, стройных линий, похожему на готический храм волнующему осмометру. Им измерялся молекулярный вес высокомолекулярных волнующих соединений. Вчера Елена волнующе испытывала гигроскопичность нежной мембраны. Сегодня работала с изящным осмометром. Елена всё умела. Она была на все руки.

Вошёл высокий и стройный молодой человек с волнующей наружностью по фамилии Решетов. Он тоже всё умел и тоже был на все руки.

Встреча героев состоялась.

Глава вторая. «Елена за работой»

Она подливала в капилляры жидкость. Он тоже не бездельничал, а помешивал фарфоровым шпателем белые хлопья полимера. Краем глаза Елена видела его мужественную руку. Его русые брови забегали к вискам. Лоб у него широкий, мужественный. Мужское, как бы высеченное из камня лицо. Твёрдая извилистая линия мужского рта. Это лицо может быть жестоким. А улыбка ясная, как у ребёнка мужского пола. Смесь детскости и жестокости. Елена не глядела на свои пробирки. Она глядела на его пробирки. В них начала образовываться драгоценная мужественная эмульсия, обещая новые, невиданные и неслыханные открытия в химии. Этот человек в мужских брюках с его упрямым ртом не оставит природу в покое, он мужественно вырвет у неё все её тайны, раскроет все её замыслы. Страшная мысль обожгла Елену. Не только с природой, но и с женщиной этот человек сделает всё, что захочет. Безволие сковало Елену. Надо взять себя в руки! «Что мне за дело до него? — думала Елена, лихорадочно подливая жидкость в капилляры. — У меня есть свой муж. А это чужой муж. Свой, чужой — не всё ли равно! Хочется взять его за руку, хочется!.. О чём это я?»

Сердцебиение наповал оглушило Елену. Она отчаянно хватается за осмометр, охлаждает пылающий лоб колбами, прижимает к стучащему, как мотор, сердцу мембрану.

Приборы всё терпят.

Глава третья. «В аудитории»

Аудитория огромная, неуютная. Он, конечно, на кафедре. Она, понятно, в первом ряду. Там и сям разбросаны фигурки всех остальных: профессоров, кандидатов, студентов, ещё кого-то...

Он о чём-то говорил. Или о теории катализа, или о поведении дибутилфталата при пластификации поливинилхлорида, или ещё о чём-то... Елене было не до дибутилфталата. Ей было до него. Она глядела на его щёку. На его смуглую мужественную щёку, кое-где испещрённую белыми просветами. «Обернись на меня! — мысленно умоляла Елена. — Обернись же!»

А он всё говорил. Сыпал формулами. А Елена видела его щёку, его твёрдые извилистые мужские губы, которые хотелось... Сердцебиение вновь оглушило Елену. На этот раз не до бесчувствия. Он всё не оборачивался. Что делать? Под женственными тяжёлыми косами Елены помещался изобретательный мозг учёного. Она придумала!

— Это неверно! — тихо произнесла она. — Ряд научных теорий опровергает...

Что неверно? Что опровергает? Не всё ли равно! Важно, что он обернулся, взглянул на неё. Лицо его озарилось детски-растерянной улыбкой. Она поняла: он всё время помнил о её присутствии!

Лунная ночь была колдующе-чарующе прекрасной. Воздух прозрачный. Казалось: взмахни руками — и полетишь далеко, далеко... в Химки или во Внуково. Они шли рядом. Его большая мужская тень вышагивала рядом с её маленькой, хрупкой женской обаятельной тенью.

Глава четвёртая. «Снова у капилляров»

В лаборатории пахло катализатором, смолой, эфиром, пудрой и губной помадой. Прижимая тонкие, льющиеся от плеч упругой линией руки к бурно вздымающейся груди, Елена следила то за жидкостью в капиллярах, то за медленно ползущей стрелкой на своих изящных дамских часиках. Шёл сложнейший опыт. От него зависело так много!

«Если без четверти двенадцать жидкость поднимется в капиллярах до пятидесяти шести, — любит. Не поднимется — не любит».

Без четверти двенадцать. Не поднялась!

«Не считается, — пересохшими губами страстно прошептала Елена. — Пробую ещё раз!»

Елена была настойчива. Она отличалась тем абсолютным терпением, без которого не может быть химика. Она гадала и гадала, не считаясь ни с временем, ни с усталостью, ни с рабочим днём. Терпение её было вознаграждено. Жидкость наконец поднялась до задуманной цифры. Измученная, бледная, но счастливая, Елена покинула лабораторию. Любит!

Рабочий день героини закончился.

Глава пятая. «Диссертация»

Елена позвала его к себе домой с чистым намерением прочесть ему первую главу своей диссертации. Стены её комнаты были завешаны таблицами, плакатами, формулами; там и сям лежали указки, линейки, куски мела. Всё располагало только к науке.

Вооружившись указкой, Елена рассказывала о совместной полимеризации непредельных соединений. Он слушал и любовался. Не руками Елены, льющимися от плеч упругой линией, не её тяжёлыми косами и общей стройностью фигуры, а исключительно светлой и прозрачно-чистой работой её научной мысли.

Потом они долго беседовали о науке. Зелёный рассвет уже поднимался над крышами домов, чирикали просыпающиеся птички, а герои романа всё ещё беседовали о катализе и полимеризации.

Повеявший в окно предутренний резкий холодок послужил сигналом. Герои поспешно собрали таблицы, формулы, указки, листки рукописи и, отбросив в угол эту ненужную бутафорию, со вздохом облегчения и криками упали в объятия друг другу.

Наталия ИЛЬИНА

ДУТЫШ НА ХОЗРАСЧЕТЕ

Прошлым засушливым летом многие колхозы Азовского района вырастили богатый урожай зерновых.

— Замечательно! — порадовались в райкоме партии.— Вот бы учёным обобщить этот опыт, сделать его достоянием всех.

— А за чем же остановка? — сказал кто-то.— У нас в районе имеется комплексная зональная опытная станция по хлопководству научно-исследовательского института. Ей и карты в руки.

Посланец немедленно выехал из райкома в село, где находится станция. Приехавший остановился на почтительном расстоянии от руководителя этого высокоавторитетного научного учреждения.

— Тише! — предупредил его сторож.— Леонид Николаевич заняты.

Задрав головы вверх, смотрели они на учёного мужа. Тот величественно возвышался над ними — гонял на голубятне красивого дутыша. Приехавший хотел было осведомиться, для каких таких научных целей почтенный человек забрался на голубятню, но, боясь показаться невеждой, промолчал. Тем временем птица устала и села. Леонид Николаевич положил шест и спустился на суетную землю.

— Высокие урожаи в засушливом году? — переспросил он недовольно.— Что же, бывает, бывает.

— А нельзя ли изучить опыт, так сказать, научно обобщить? — робко осведомился посланец.

— Можно и обобщить. Надо только коллектив мобилизовать на это.

Легче колхозникам было победить засуху, чем директору станции тов. Знаменскому мобилизовать свой коллектив на изучение их опыта. Дело в том, что в самый разгар полевых работ старший научный сотрудник находился в Ростове. Он стоял на рынке у автомашины с арбузами и ожесточённо торговался со старой казачкой:

— Не скупись, бабуся. Научно выращен арбуз. На него, может, в микроскоп смотрели, а ты лишний полтинник жалеешь.

Но казачка, покачивая с сомнением головой, не спешила набавлять цену.

Младший научный сотрудник в это время торговал в Батайске, его коллега, специалист по хлопку, сбывал свёклу в Сталино. Когда научные силы подбили барыши, колхозники уже убрали и обмолотили всё до последнего колоска. Из-за этих непредвиденных обстоятельств учёным пришлось обобщать опыт путём опроса колхозных счетоводов. Таким способом они установили, что в артели «Победа», скажем, для того, чтобы вырастить высокий урожай озимой пшеницы на большом участке:

а) «Была проведена вспашка плугом с предплужниками...»,

б) «Семена озимой пшеницы протравлены...»,

в) «Посев проведён перекрёстным способом...»,

г) «Снегозадержание проводилось в январе снегопахом...»,

д) «Уборка проведена комбайнами...».

С такой же проницательностью сотрудники комплексной станции установили, что пашут, сеют, жнут, молотят и в других артелях. Они отпечатали свои выводы на семнадцати страничках и представили их в райком партии. Там прочитали этот научный труд в роскошной папке и припомнили, что нечто подобное уже было описано в литературе. Так, чеховская институтка Наденька, живя на даче, установила, что говядина делается из быков и коровок, а баранина — из овечек и баранчиков. Это натолкнуло райком партии на мысль установить: чем же занимается вообще научный коллектив, возглавляемый Леонидом Николаевичем Знаменским?

Авторитетная комиссия обследовала деятельность станции, и по её материалам бюро райкома записало в своём решении:

«Проводимые опыты в зональной станции не представляют никакой ценности для науки и сельскохозяйственного производства».

— Позвольте! — воскликнул Леонид Николаевич.— Мы выручили большие деньги, находясь на хозрасчёте...

Финансовые органы заинтересовались и этой стороной деятельности учёных мужей. В результате тов. Знаменский райкомом партии был переведён из членов партии в кандидаты. Так что, кроме дутышей — красивой породы голубей,— станция ничем не могла похвастаться. Но их выхаживает тов. Знаменский для собственного удовольствия, и на повышении урожайности полей это никак не сказывается.

Сделав это открытие, в райкоме успокоились заверением директора:

— Немедленно перестроимся.

И Л. Н. Знаменский начал перестраиваться. Сейчас он, спускаясь с голубятни, поясняет приезжающим:

— Вон та делянка в четыре гектара занята многолетними травами.

В соседней артели вместо малоурожайных трав уже растёт высокопродуктивная кукуруза. По этому поводу директор маловразумительно говорит о пересмотре планов в ближайшем будущем.

— Впрочем, — оживляется он, — научным изысканиям в области кукурузы мы также уделяем внимание. Её посевы в нынешнем году у нас увеличены в шестнадцать раз.

Против этой цифры возразить нечего. Действительно, в прошлом году сторож засевал для своей козы несколько грядок кукурузы. В нынешнем году под эту культуру заняли здесь целых четыре гектара из двухсот сорока! Правда, ценность этого важного научного опыта несколько понижается из-за одного маленького недостатка. Колхозники давно механизировали посевы и обработку кукурузы, а учёные мужи всё делают вручную. Так что в перспективе труженики полей имеют возможность получить научно обоснованные выводы о несовершенстве ручного труда по сравнению с машинным.

Вокруг станции раскинулись богатейшие поля. Это к двум гектарам подопытного хлопчатника и четырём гектарам многолетних трав на станции подсеяли двести пятнадцать гектаров арбузов, помидоров, баклажан, капусты и т. п.

— Для реализации,— с удовлетворением говорит тов. Знаменский.— Мы ведь на хозрасчёте...

Таким образом, единственное изменение, которое произошло на станции после решения бюро райкома, заключается в том, что здесь сейчас разрабатываются новые маршруты для торговли на рынках, отдалённых от Ростова.

Между тем научно-исследовательский институт в Ставропольском крае регулярно получает отчёты о научных изысканиях на 12 гектарах под Азовом. И никого не трогает, что практики от станции в течение многих лет не получают никакой помощи.

Так и висит над колхозными полями Ростовской области дутыш — птица красивая, но совершенно бесполезная в сельском хозяйстве. Леонид Николаевич посматривает на колхозные поля свысока, с голубятни. Институт в течение нескольких лет довольствуется этой научной вышкой. А райком партии, по существу, только попугивает издали дутыша.

А. ЕРОХИН, П. СЕМЕНЮТА

Азовский район,
Ростовской области.

Рисунок И. СЕМЁНОВА.

На Металлургическом заводе имени Дзержинского (Днепропетровская область) только в первом квартале 1955 года в результате нарушения технологического процесса потери от брака составили 5 миллионов рублей.

Бракопрокатный стан и его продукция.

ВИЛЫ В БОК

В НАБЕЖАВШУЮ ВОЛНУ...

Бывает так: траулеры Камчатской флотилии с богатым уловом спешат к родным берегам, но никто их там не ждёт и не вглядывается с тоской в синеющие дали.

Звучит команда: «Отдать якорь!» И это порой единственное, что удаётся отдать траулерам на рейдах камчатских комбинатов, которые отказываются принимать улов.

Проходит несколько дней, матросы ловят испортившуюся рыбу... уже в трюмах и выбрасывают её.

Таким образом только в прошлом году «в набежавшую волну» попало свыше 400 тонн рыбы. А уже в этом году испортился улов траулера «Камчадал», который больше двух суток простоял на рейде комбината имени Микояна. Потом директор комбината тов. Ивков «промариновал» улов траулера «Полярник», и эту рыбу тоже пришлось выбросить.

Волнуется Тихий океан, когда рыба, которой он щедро наградил трудолюбивых моряков, летит в него обратно. Бурлит он и пенится. Зато тишь да гладь царят в «Главкамчатрыбпроме». Там не волнуются. А директору тов. Ивкову, который выпустил в море далеко не одну рыбку, никто почему-то и слова неприятного не скажет.

ЕЩЁ ОДНО, ПОСЛЕДНЕЕ ВЗЫСКАНЬЕ...

Когда прошло тяжёлое похмелье, Щептинов стал анализировать текущие события. Самым тревожным из них был вчерашний приезд нового начальника Московского строительно-монтажного управления треста «Союзтеплострой» Бульина. К неожиданному прибытию начальства Щептинов подготовиться не успел, точнее, не успел протрезвиться. Поэтому Бульин без особого труда установил, что Щептинов, исполняющий обязанности начальника Электростальского участка, не в состоянии исполнять эти обязанности.

«Уволит, как пригрозил, или не уволит? Вот в чём вопрос,— размышлял Щептинов.— С одной стороны, должен уволить, но, с другой... Другие-то не увольняли!»

И вдруг приказ.

Улавливая затуманенным взглядом строки, Щептинов читал: «Приказ по... управлению... Номер шестьдесят... Щептинов... на работе в сильно опьянённом состоянии... До этого... тоже неоднократно... за что неоднократные имел устные предупреждения со стороны управляющего трестом тов. Чернова...» Всё правильно. Да, вот оно, самое главное: «За ряд грубейших нарушений т. Щептинов получил тридцать...» Неужели тридцать?.. Вот спасибо за справку! «Тридцать всевозможных взысканий... Объявить строгий выговор с предупреждением, что если ещё раз...»

Читаешь приказ номер шестьдесят, смотришь на его дату — первое апреля — и впрямь думаешь: не первоапрельскую ли шутку сыграли со Щептиновым? Увы, сомненья нет, перед нами официальный документ за подлинной подписью начальника управления.

Повидимому, всё делается для того, чтобы очередное похмелье Щептинова не было для него слишком тяжёлым.

БАРАНЬЯ ЧЕХАРДА

Жили четыре барана. Все отличной породы, степенные, знатные. Один прославился солидным весом, второй — отменной шерстью, третий — и тем и другим, четвёртый — по всем статьям превзошёл третьего.

Редакция журнала «Животноводство» задалась благой целью: познакомить с баранами своих читателей, предоставив для этого страницы журнала № 12 за прошлый год.

Если бы ничего не подозревавшие бараны сумели заглянуть в журнал, они, конечно, ужаснулись бы. Алтайскому барану приписали достоинства азербайджанского, а под фотографией барана азербайджанской породы указали приметы кавказского барана. Зато барана кавказской породы представили читателям как алтайского.

Редакции журнала ничего не оставалось, как признать свою ошибку, что и было сделано спустя четыре месяца в журнале № 4 за этот год.

«Подпись под бараном № 576,— говорилось в поправке,— следует заменить подписью под бараном № 941; подпись под бараном № 8—27 заменить подписью под бараном № 576 и подпись под бараном № 941 заменить подписью под бараном № 8—27».

В общем, такой шашлык получился на страницах журнала, что никак его не прожуёшь.

Щепотки соли

СВОЙ

Некто пробрался в секретное отделение турецкого министерства внутренних дел.

— Стой! Посторонним вход строго воспрещён! — крикнул полицейский.

Неизвестный обернулся и сказал несколько слов по-английски.

— Извините, сэр, я думал, что вы турок! — пролепетал полицейский.

(«Стършел», Болгария)

ПАРИЖСКАЯ ЖИЗНЬ

— Пожертвуйте несколько франков, господин министр...

— Весьма сожалею, бедняга, но сейчас у меня нет ни одного.

— Ах, извините, я совсем забыл, что вы получаете долларами!

(«Стършел», Болгария)

ТВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ

Жена одного голливудского кинокороля заказала свой портрет художнику.

Узнав об этом, муж рассердился.

— Что за нелепая выдумка! — вскричал он с возмущением.— Разве я не мог бы послать заказ в Европу Рубенсу или какому-нибудь другому знаменитому художнику?

(«Шпильки», Польша).

ЗДРАВОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Разговор в одном светском американском обществе:

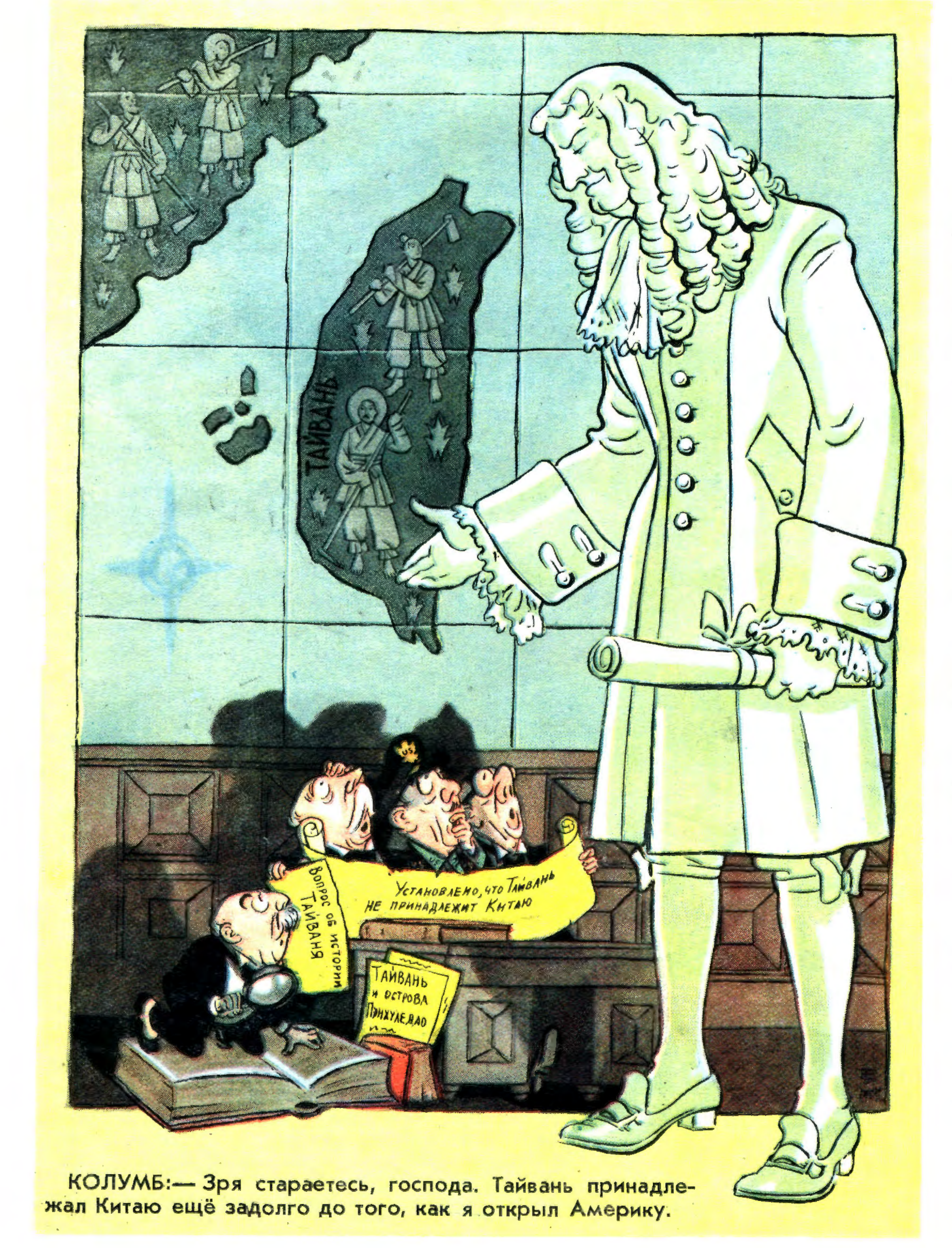
— У нас совершается слишком много преступлений...

Вмешивается одна дама:

— Господа, не разговаривайте же всё время о политике!

(«Шпильки», Польша).

Рисунок художника ЦАЙ ЧЖЭНЬ-ХУА
(Из китайского сатирического журнала «Маньхуа»)

КОЛУМБ:— Зря стараетесь, господа. Тайвань принадлежал Китаю ещё задолго до того, как я открыл Америку.

Тэд ТИНСЛИ

ЗНАКОМАЯ МОРАЛЬ

Много лет назад великий экономист Роджер В. Бабсон изрёк: «Приход республиканцев к власти и избрание Гувера на пост президента, несомненно, обеспечат продолжительное процветание в 1929 году». Каждому, кто на себе испытал прелести президентства Гувера и страшный кризис 1929 года, после прочтения этой цитаты должно быть ясно, сколь велик Роджер В. Бабсон и сколь серьёзного внимания заслуживают его заявления.

Последние великие творения Бабсона посвящены разрешению загадочного вопроса о забастовках и причинах их возникновения.

«В большинстве случаев,— пишет Бабсон,— рабочие бастуют только потому, что не получают морального удовлетворения, столь необходимого каждому здоровому человеку. Преисполнившись благородным негодованием, рабочие сначала объявляют забастовку, а затем выискивают на ходу что-нибудь такое, что можно было бы потребовать от босса».

Затем наш экономист продолжает в том же духе: «За исключением периода экономических кризисов действия как рабочих, так и капиталистов ни в коем случае не объясняются долларами или центами. Оба класса стремятся к определённому «моральному» удовлетворению, выражающемуся в уважении личности, признании её авторитета в обществе и престиже». И тут же даётся совет: «Наша задача — повысить «моральную зарплату» рабочим».

Арчу Фарчу, тому самому, который работает в «Нейшнл Раббер Гэскет компани», совсем недавно повысили «моральную зарплату» на целых 80 процентов. В чём это выражается?

Каждые полчаса к нему подходит мастер и, похлопывая по спине, говорит:

— Признаться, Арч Фарч, я уважаю вас как личность и считаю, что вы завоевали добрый авторитет и заслуживаете истинного уважения в обществе. Кстати, полагаете ли вы, что работаете с наивысшим напряжением?

После разговора с мастером Арч Фарч чувствует себя счастливейшим человеком на свете до тех пор, пока его жена Эдна не замечает, что одновременно с ростом «моральной зарплаты» Арча уменьшилась на 5 процентов зарплата, выраженная долларами и центами.

Не так давно был подписан «моральный контракт» объединённого профсоюза рабочих автомобильной промышленности с корпорацией «Дженерал Моторс». Как и от всех подобных контрактов, «моральные выгоды» от него остаются в сознании рабочих, в то время как реальная прибыль течёт в карманы босса. Бабсон, должно быть, догадывается об этом. Поэтому он выражает надежду, что каждый предприниматель, который понял всю справедливость «моральных запросов» рабочих, сумеет успешно покончить с забастовками «при условии сотрудничества лидеров профсоюзов с боссами».

Итак, обеспечьте каждому истинное уважение в обществе, и никто не захочет денег. Удивительно, не правда ли? Во всяком случае, я уверен, что Роджер В. Бабсон не обретает никакого истинного уважения в обществе, пропагандируя свою теорию. Но уж, несомненно, он обретает за эту теорию доллары и центы, а отнюдь не «моральное вознаграждение»!

«К несчастью,— пишет в заключение Бабсон,— единственными пострадавшими от этого морального конфликта (то есть от забастовок) являются невинные держатели акций».

Ну стоит ли об этом тревожиться, Роджер? Надо просто выплатить им «моральные дивиденды», и все будут счастливы!

Из американской газеты «Дейли уоркер».

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

— Мы делаем всё возможное, чтобы вам было легче!

ЕЩЁ ОДИН БРЕД

Американского сенатора Уильяма Ноулэнда (от штата Калифорния) потянуло на исследования в области социальных проблем. Объектом своих изысканий, судя по сообщению агентства Ассошиэйтед Пресс, сенатор избрал не родной штат, а... Китайскую Народную Республику. Ничтоже сумняшеся, он «предложил разделить китайский континент между националистами и коммунистами на 10 лет, чтобы выяснить, чья система правления будет лучшей».

Видимо, никто из окружающих не ущипнул в этот момент сенатора, бредившего наяву. Ведь всему миру известно, что китайский народ ещё в 1949 году с точностью определил, «чья система правления будет лучшей»!

БЕЗ ОБИНЯКОВ

Средневековые монахи, как известно, не считали возможным допускать распространение знаний среди народных масс, справедливо подозревая, что это рано или поздно подорвёт их авторитет. Однако заявлений по этому вопросу они не делали. Систематически и без лишних слов они сжигали на кострах передовых деятелей своего времени и их произведения.

Профессор Нью-йоркского университета ван Денхог придерживается иной точки зрения. Он считает, что на просвещение надо идти с открытым забралом.

Недавно на конференции университета штата Вермонт профессор заявил:

— Распространение знаний — ужасно вредное дело.

А потом подумал и добавил:

— Просвещение масс уничтожает уважение, потому что существует конфликт между знаниями и мифом, на котором построено общество.

Американский профессор довольно прозрачно намекнул, что общество, в котором он живёт, повидимому, основано на мифе. Демократия — миф. Свобода — миф. Превосходство американского образа жизни — тоже миф. Но профессор считает, что массам, разумеется, догадываться об этом не следует: могут быть вредные последствия.

Именно это и имели в виду средневековые монахи, когда они хозяйственно раздували угольки и подбрасывали щепки в костёр Джордано Бруно и вешали замок на камеру Галилея...

ПОДРЫВНЫЕ УТКИ

Торговцы битой домашней птицей, проживающие в Гонконге, давно экспортируют консервированных уток в Соединённые Штаты. И, надо сказать, американские хозяйки охотно их покупали.

А недавно гонконгские экспортёры всю очередную партию уток, к своему великому удивлению, получили обратно.

Оказывается, заокеанские учёные мужи, углубившись в изучение утиной родословной, установили, что хотя указанные утки и выращены в Гонконге, но их отдалённые предки когда-то жили в Китае. А раз так, то эти утки — красные, крамольные, и потребление их стопроцентными американцами есть тяжкий грех и преступление.

СТАРЫЕ ГЕРОИ НОВОГО СВЕТА

Американская внешняя политика стала всё чаще сходить с рельсов.

Было время, когда заокеанская пропаганда пыталась убедить народы, будто в наручниках «американского образа жизни» они будут чувствовать себя свободнее. Однако это великодушие не оценили должным образом. «Непрактичные» народы дали понять, что, по их мнению, золотые цепи ничем не лучше железных.

Нашла коса на камень.

Вот тут-то за океаном и вспомнили о достославном американском артиллеристе Дж. Т. Мастоне.

Кто не читал об этом знаменитом секретаре «Пушечного клуба» из романа Жюля Верна «С земли на луну»? Даже в кругу своих одноклубников — отчаянных выдумщиков и авантюристов — он славился безграничной необузданностью фантазии.

Как-то Мастон услышал весьма любопытную речь одного из своих друзей, прозванного «новым героем Старого света».

— Земля — неблагоустроенная планета,— утверждал этот «герой».— Дни не равны ночам, лето сменяется осенью... То здесь холодно, то жарко. Планета насморков, гриппов и всякой простуды! То ли дело Юпитер! Там есть разные зоны, и в каждой зоне климатические условия постоянны. Юпитерианин не боится перемены погоды. И подумать только, для подобного совершенства Земле не хватает сущего пустяка: чтобы её ось вращения была менее наклонена к плоскости орбиты!

— За чем же дело стало? — горячо воскликнул потрясённый этой новостью Мастон.— Объединим наши усилия и выпрямим земную ось!

Бесспорно, будь у доблестного Мастона и его друзей точка опоры, которой ещё в древности недоставало Архимеду, они создали бы рычаг, чтобы повернуть Землю и таким образом выпрямить её ось. Но увы, именно точки опоры и не было у этих отважных механиков, чем и объясняется тот весьма прискорбный факт, что проект Мастона не был осуществлён, а человечество до сих пор вынуждено терпеть смену времён года и пользоваться носовыми платками!..

Но вернёмся к нынешним дням. Оказывается, идея Мастона не только не умерла, а, напротив, обрела свою вторую молодость.

Не обладая в отличие от знаменитых членов «Пушечного клуба» инженерными наклонностями, современные мастоны избрали объектом своих необузданных фантастических экспериментов область внешней политики. Когда их попытки «мирно» заковать народы в американские наручники провалились, они в раздражении воскликнули:

— За чем же дело стало? Объединим наши усилия и выпрямим существующий на Земле образ жизни. Должен же в конце концов этот образ стать американским!

— Верно! — крикнул председатель палаты представителей Рейбэрн.— Мы должны заставить весь мир бояться нас!

— Ну, конечно,— зашелестели миллионы страниц американских газет и журналов.— Наденем на весь мир американскую смирительную рубашку!.. Даёшь атомную политику!.. Да здравствует политика с позиции силы!.. Атлантическая политика!..— Словно горох из худого мешка, обрушился в эфир водопад американских басов и баритонов на всех волнах, начиная с самых коротких и кончая самыми длинными.

Война, убийство, насилие, диктат, грабёж — эти уголовно-политические темы стали самыми модными на экранах и на университетских кафедрах, в комиксах и в философских трактатах.

Однако уолл-стритовский вариант выпрямления образа жизни земного шара оказался таким же далёким от реальности, как и идея провинциального пушкаря выпрямить земную ось. Несмотря на все радиогазетные усилия современных мастонов, проект перестройки мира на американский лад пришёлся почему-то не по вкусу попрежнему упрямым народам.

У самонадеянных политических механиков современной Америки, как и у Мастона-старшего, просто-напросто нет точки опоры.

Хотя мастоны-младшие в большинстве своём и до сего дня не желают признать бесплодность своей затеи, однако же менее пылкие из них начинают сейчас призадумываться.

— А не лучше ли будет,— спрашивают они себя,— отказаться вовсе от попытки выпрямить ось Земли и вместо этого заняться своими домашними делами?

Подумали они, посмотрели, что творится на белом свете, и признали:

— А ведь и верно: не осилим мы весь мир. Зря только стараемся.

— Мы не можем заставить всех плясать под нашу дудку,— уныло вздохнул Сульцбергер, политический обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс».

— Да, политика холодной войны провалилась,— умозаключил Национальный совет безопасности США.

— И в самом деле,— заметил в своей лекции, прочитанной в Чикагском университете, президент компании «Инлэнд стил» Кларенс Б. Рэндолл,— мы ведём себя так, как если бы весь мир был населён людьми, по духовной природе и складу своего ума подобными нам, тогда как дело обстоит как раз наоборот. Мир уже не тот, и того, что было, не вернёшь. Нет, по-моему, мы должны проявлять сдержанность. Мы не самые мудрые люди в мире.

«Соединённые Штаты не будут совать свой нос в каждую щель в каждом уголке мира. Тогда будет меньше шансов на то, что его прищемят»,— объявил журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» в своём разделе «Новости».

Что ж, это примечательные новости. Как видим, некоторые из мастонов начинают приходить в чувство. Впрочем, им уже давно советовали вести себя поскромнее. Им говорили: так будет лучше и для вас самих и для мира; а он уж сам решит, какой образ жизни ему больше нравится.

Если эта истина сейчас начинает доходить до некоторых старых героев Нового света, то они могут поблагодарить за науку всех людей доброй воли, которые успешно вышибают из их горячих голов прожекты покорения мира.

В. ГРИГОРОВИЧ

Отрегулировал...

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

В американских школах разжигается атомная истерия. Учеников снабжают *именными* бирками «на случай атомного нападения».

ЗАБОТЛИВЫЙ УОЛЛ-СТРИТЧИК

— Носи и помни: мы думаем о твоём будущем!

НА РАЗВАЛИНАХ ЗАКОННОСТИ

Неписаный закон гангстеров гласит: грабить легче, чем работать. Но есть ещё более лёгкий способ получать доллары — лгать.

Создавая республиканскую партию, честный юрист Линкольн и не подозревал, что она когда-нибудь введёт в его стране юридические порядки, основанные на бесчестии. И сегодня мраморный памятник знаменитому предку с немой укоризной смотрит на здание Капитолия, где представители его партии утверждают законы.

Со времён Линкольна американская юстиция шагнула далеко. Подручные министра юстиции Браунэлла давно уже сдали в архив устаревшую девятую заповедь ветхого завета — «не лжесвидетельствуй». Они работают по последнему методу: «Вы называете жертву — мы делаем всё остальное».

На одном из заседаний комиссии американского сената по вопросам этических норм отмечалось, что «мораль неосязаема. Очень трудно точно установить, что морально и что аморально». Это, очевидно, и дало повод консультанту этой комиссии Джорджу Грэхэму определить, что продажность не является пороком.

Люди, заложившие душу за доллары, в юридической практике США не редкость. Многие, кого тяготит честный труд, идут в министерство юстиции, которое даже журналист Дрю Пирсон назвал свалкой.

Чутьё закоренелых дельцов помогает этим молодчикам найти путь к «законным» долларам. Лжесвидетельство в США поставлено сейчас на широкую ногу. Нельзя, что называется, шагу ступить, не попав в сыскное агентство. По сообщению журнала «Рипортер», годовой оборот пяти тысяч таких агентств достигает 250 миллионов долларов. Эти доллары и движут мечом «правосудия».

Журнал «Лайф» недавно выступил с требованием выделить «много специальных сторожевых псов» для преследования и травли инакомыслящих. «Лайф» явно отстаёт от американского образа жизни. Заокеанская репрессивная машина давно уже воздвигла на развалинах законности огромный юридический заповедник, фашиствующие представители которого готовы ради бизнеса оклеветать любого встречного.

Д. ЛЮБИМОВ

ОТДЕЛ ОБЪЯВЛЕНИЙ И НЕОБЫЧНЫХ ЯВЛЕНИЙ

СЕГОДНЯ В ТЕАТРАХ

Новосибирский летний театр —

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НЕ СОСТОИТСЯ

Постановщик — горсовет. А не состоится представление потому, что театр пока ещё не достроен. Для того, чтобы выяснить, когда он вступит в строй, обратимся к страницам газеты «Советская Сибирь».

В ЭТОМ ГОДУ

...будет построен новый летний театр...».

Мы, однако, упустили небольшую подробность. Номер «Советской Сибири», где напечатано известие о столь радостном событии, датирован...

9 апреля 1946 года.

ДЕВЯТЬ ЛЕТ

не сходит со сцены

ПОСТАНОВКА ГОРСОВЕТА!

СТОЛ НАХОДОК

На территории Ленинградской фабрики № 4 фотобумаг

НАЙДЕН

35-тонный БАШЕННЫЙ КРАН стоимостью свыше 37 тысяч рублей.

ищем

хозяина.

Удалось выяснить, что:

а) ранее кран применялся при строительстве нового корпуса фабрики. Работы производил стройтрест бывшего Министерства кинематографии. Теперь такого министерства нет, а следовательно, нет и треста;

б) кран был принят трестом «Ленвузстрой» и...

в) передан уже без электромоторов, домкрата и магнитных катушек тресту «Ленкультстрой».

сейчас

«Ленвузстрой» и «Ленкультстрой» в один голос заявляют:

«За дальнейшее состояние крана ответственности на себя не берём!»

А ведь оно, пожалуй, и правильно: ответственность для них слишком тяжёлая нагрузка.

ПОИСКИ

ВЛАДЕЛЬЦА ПРОДОЛЖАЮТСЯ.

На стадионах

происходят небывалые, невиданные события.

В заметке, озаглавленной

«НОВЫЕ РЕКОРДЫ

ЛЕГКОАТЛЕТОВ»,

газета «Правда Востока» сообщила, что один из спортсменов

ПРЫГНУЛ

на высоту 6 м 74 см».

Однако и этот неслыханный рекорд, заявляет газета, долго не продержался. В этот же день был совершён прыжок в высоту на... 7 м 11 см!

Новые рекорды по прыжкам в высоту явились результатом взлёта фантазии работников редакции.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПОКУПАТЕЛЕЙ

на тему:

«Девушке в семнадцать лет
Какая шапка не пристанет»?

отменяется

ибо ответ на классический вопрос уже найден. Не пристанет именно эта шапка.

И теперь, когда вы увидите на прилавке магазина шапки с маркой артели «Рекорд» Мособлшвейсоюза, помните: уже через неделю после покупки из шапки посыплются стружки и опилки.

НЕ СПЕШИТЕ

К ШАПОЧНОМУ РАЗБОРУ!

Разрешается присутствовать...

Различные приглашения, которые адресуются избирателям, обычно весьма схожи по форме. Форма эта неизменно уважительная, вежливая, товарищеская. К примеру:

«Уважаемый товарищ! Приглашаем Вас на встречу с кандидатом в депутаты городского Совета И. И. Ивановым, которая состоится...» и т. д.

Или, скажем, так:

«Уважаемый тов. Сидоров! Просим Вас принять участие в предвыборном собрании, которое...» и т. п.

Но, поскольку очередные выборы в местные Советы уже прошли, работники Прокопьевского горисполкома (Кемеровской области) решили, очевидно, что эта форма на данном этапе полностью себя изжила. И вот какие любезные приглашения адресовали они недавно, так сказать, избранным избирателям, активистам, общественникам:

«Пропуск.

Тов. . . . . (такому-то)

Разрешается присутствовать на II сессии Прокопьевского Городского Совета депутатов трудящихся, которая состоится...» и т. д.

К сему печать и подпись: «Исполком Городского Совета депутатов трудящихся».

Иначе говоря: «Так уж и быть, присутствуй!»

Итак, «разрешается присутствовать». Но разрешается ли у нас такая «приветливая» форма приглашения?

СООБЩАЕМ АДРЕСА

ИСПЫТАННЫЙ СПОСОБ

Как без затраты времени и труда окрасить белую рубашку в тёмный цвет?

Читатель тов. Маслов из посёлка Карсун, Ульяновской области, поделился с нами своим опытом: на белую рубашку надевают китель или пиджак из любого материала, но обязательно с подкладкой из чёрного сатина. Вскоре рубашка прочно окрашивается в чёрный цвет.

Но предупреждаем, что не всякий сатин обладает такой чудодейственной силой. Берите сатин только

СТРУНИНСКОГО ХЛОПЧАТОБУМАЖНОГО КОМБИНАТА «5-й ОКТЯБРЬ»

с ярлыком, на котором ясно сказано: «Крашение прочное».

Рисунок Бориса ЛЕО.

На линии Горький—Астрахань в начавшейся навигации уже с первых рейсов нарушился график отправления судов.

— Только привыкли к тому, что пароход опаздывает на сутки, как он опоздал на двое.

Дорогой Крокодил!

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Если ты приедешь в Воронеж и захочешь побывать на левом берегу, то советуем тебе лететь на самолёте либо идти пешком, но ни в коем случае не пользоваться нашим трамваем.

А если всё же решишься перебраться на левый берег на трамвае, запомни, что следует предварительно сделать.

Захватить с собой еду, прохладительные напитки, сборник массовых песен и большой запас терпения.

Всё это тебе пригодится, как только трамвайный вагон проедет мост и очутится у железнодорожного переезда... С обеих сторон железнодорожного пути ты увидишь весёлое общество шофёров, кондукторов, водителей трамваев, пассажиров... Одни играют в шахматы, другие — в волейбол, третьи поют песни. И все ждут... Ждут, когда появится паровозик, протащит через переезд пару вагонов.

И хотя всем хорошо известно, что паровозик «ОВ», давно растерявший свои лошадиные силы и двигающийся со скоростью 5 километров в час, находится ещё на станции Придача и для того, чтобы ему добраться до переезда, требуется не менее получаса, всё равно шлагбаум уже опущен, и сотни машин, десяток трамваев теряют тысячи рабочих часов... И никакая сила не в состоянии изменить порядок прохождения паровозика...

Если же паровозик должен снова вернуться на станцию Придача, то, пока он не отцепит доставленные им вагоны и снова не пересечёт переезд, шлагбаум не поднимется. Такова инструкция сторожу переезда.

Во время длительного и досадного ожидания у шлагбаума многим гражданам приходит в голову мысль: почему в большом промышленном и благоустроенном городе Воронеже нельзя наладить трамвайное сообщение с левым берегом?

По этому вопросу мы бы хотели услышать твоё мнение.

В. ПЕРШИН

г. Воронеж.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Работники павского отдела культуры полагают, что у нашего районного Дома культуры имеется надёжная опора.

Не думай, пожалуйста, что при этом они имеют в виду активистов-кружковцев. Певцы и танцоры здесь ни при чём. Участники художественной самодеятельности даже побаиваются заходить туда. Дом культуры накренился набок, вот-вот рухнет.

Ещё в прошлом году на восстановление здания было ассигновано 30 тысяч рублей. Районные руководители переполошились:

— Сумма большая, как распределять будем?

Думали, думали и решили... израсходовать 800 рублей на брёвна-подпорки:

— Пока на них дом продержится, а там видно будет!

Остальные деньги остались неиспользованными.

В этом году на ремонт выделили 40 тысяч рублей. Но ничего нового мы до сих пор не увидели. Дом культуры продолжает разваливаться, а деньги преспокойно лежат без движения.

Правда, совсем недавно нас навестил дорогой гость — сам тов. Терентьев, начальник областного Управления культуры.

Приехал. Осмотрел подпорки. И, захватив фотографию близкого его сердцу строения, благополучно отбыл восвояси.

Теперь тов. Терентьев может в любую минуту наглядно показать каждому, что наш районный Дом культуры подпирают сбоку шесть огромных брёвен. Их-то и считают деятели культуры вполне «надёжной опорой».

А. ИВАНОВ

Павы, Псковской обл.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Ещё в августе 1953 года я писал тебе о затяжном строительстве стадиона «Динамо» в нашем городе. Ты запросил по этому поводу Министерство здравоохранения Татарской АССР. Оттуда тебе прислали письмо, в котором и. о. заместителя министра тов. Мокеров соглашался с тем, «что стадион «Динамо» города Казани не ремонтировался с 1936 года. По заключению комиссии трибуны стадиона пришли в полную негодность».

Это, дорогой Крокодил, правда.

А то, что «в IV квартале 1953 года начнётся капитальное строительство стадиона» (в ответе тов. Мокерова так и говорилось), уже неправда.

Пусто на стадионе, торчат только пеньки от спиленных столбов. А ведь и средства отпущены, и проект два года назад заканчивался, и «благие порывы» в министерстве были, но «свершить» там ничего не смогли.

И это тоже правда.

Э. ПИКАРЕВИЧ

г. Казань.

Примечание Крокодила. В житейском обиходе всё это называется «втиранием очков». Но через какие очки ни читай письмо из Министерства здравоохранения Татарской АССР, обман остаётся. И далеко не оптический.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 03314. Изд. № 506. Подписано к печати 31/V 1955 г. Формат бум. 70 × 108[1]/₈. Заказ № 1503. Тираж 600 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок Ю. ГАНФА.

ПЕТУХ: — А всё-таки я занимаю самое высокое положение в Западноевропейском союзе!